

Глава 15. Беременность в третьей ветви

Се Нань окончательно всё понял. Сегодня их притащили сюда исключительно в качестве зрителей. Старая госпожа Лу, без сомнения, души не чаяла в Лу Шэне, но ведь и двое других были её родными сыновьями, плотью от плоти. Раз уж они признали свои грехи, зачем доводить дело до раздела имущества? Все дети равны, материнское сердце не камень — лишить их всего она просто не могла себя заставить.

Он покосился на стоявшего рядом мужа, безмолвно спрашивая, что делать с этой вцепившейся в его колени роднёй.

Лу Шэн негромко кашлянул:

— Лу Шан! Это твоя старшая невестка!

В его голосе сквозило предупреждение: какого бы пола ни был избранник брата, переступать границы было непозволительно. Лу Шан спохватился и порывисто отдернул руки, но продолжал преданно заглядывать старшему брату в глаза:

— Брат, умоляю, прости меня...

Лу Шэн промолчал, даже не взглянув на него.

— Послушайте, госпожа, — после долгого раздумья заговорил третий старейшина. — Хотя вы прежде и грозились разделом, но ради блага всего клана Лу... Семью делить нельзя. Однако спустить этим двум паршивцам такое с рук мы тоже не можем. Наказывать их вам, в конце концов, они ваши сыновья. Поступайте, как велит долг.

«Вот ушлые старики, — мысленно усмехнулся Се Нань. — Перекидывают мяч друг другу, а в итоге всё равно выкатили его прямо к ногам старой госпожи».

Впрочем, логика старейшины была понятна: возмись он сам судить чужих отпрысков, мигом нажил бы себе кровных врагов. К тому же бразды правления до сих пор держала старая госпожа Лу, а у кого в руках казна, тот и заказывает музыку.

Слова третьего старейшины заставили остальных задуматься. Ни первый, ни второй не спешили подавать голос, выжидая, как поступит хозяйка дома. И всё же Лу Шэн оставался старшим сыном и наследником — замять дело совсем, не дав ему справедливого ответа, было нельзя.

Старая госпожа Лу бросила взгляд на первенца. Тот сидел неподвижно, даже не глядя в сторону стоявших на коленях братьев. Стало ясно: эта низость окончательно прорубила между ними глубокую пропасть, и прежней братской любви уже не вернуть.

Да и младшие действительно переступили все границы дозволенного. Скрипнув зубами, старая госпожа Лу приняла решение:

— Эй! Применить семейное наказание Лу!

При слове «наказание» плечи Се Наня едва заметно вздрогнули. В прошлый раз его избили так жестоко, что тело до сих пор хранило подсознательный ужас перед этим орудием. Лу Шэн уловил его секундную слабость, в его душе на мгновение вспыхнуло раскаяние за былую жестокость, но он сдержался и промолчал.

Когда слуги внесли черную кожаную плеть толщиной в палец, лица Лу Чэна и Лу Шана побелели пуще прежнего. Стоявшие позади них жёны с ужасом уставились на тускло поблескивавшую кожу.

Вторая молодая госпожа, Ю Вэньцзин, на коленях подползла к ногам свекрови:

— Матушка, пощадите! Не бейте мужа плетью, умоляю вас! Не вынесет он этого! Они с третьим братом уже пять дней провели на коленях на ледяных плитах в поминальном зале, все суставы застудили! Если сейчас ещё и плеть в ход пойдёт... Как же мне жить дальше, матушка?! — разрыдалась она.

Третья молодая госпожа, Цай Я, последовала её примеру. Забыв о дорогом заграничном платье, которое мгновенно запачкалось о пыльный пол, она рухнула ниц:

— Матушка! Заклинаю вас, не трогайте Лу Шана! Мы ведь... мы ведь ещё даже детей завести не успели! А ну как от побоев он лишится мужской силы?! Что нам тогда делать?! Пожалейте нас, матушка!

Се Нань едва заметно повёл бровью.

«Каков ход! — восхитился он про себя. — С козырей зашла, чертовка. Стоило заговорить о наследниках, как все обвинения разом рассыпались»

Старая госпожа Лу замерла, будто её окатили холодной водой. Трое старейшин за её спиной тоже заметно занервничали, а третий дед многозначительно покосился на Лу Шэна. В этом взгляде читалось всё без слов.

В зале воцарилась звенящая тишина. Каждый лихорадочно просчитывал выгоду, и мысленно все признавали: Третья молодая госпожа разыграла идеальную карту.

Вопрос продолжения рода действительно стоял перед кланом Лу острее всего.

Как бы сильно старая госпожа ни любила первенца, Лу Шэн взял в супруги мужчину, а значит, о прямых наследниках от старшей ветви можно было забыть. Эта священная обязанность теперь целиком ложилась на плечи его младших братьев. И если сейчас искалечить их плетью, род Лу попросту прервётся.

Лу Шэн незаметно сжал кулаки под широкими обшлагами рукавов. Если разговор пойдёт в этом русле, неизбежно всплывёт имя Се Наня. Тот был мужчиной, но волею судеб вынужден был нести бремя законного супруга и невестки в чужом доме.

Тяжкая, непосильная ноша, проклятый тупик.

— Ох! — вдруг вскрикнула стоявшая на коленях Цай Я, хватаясь за живот. — О господи, как больно... Живот разламывается!

Се Нань, сидевший чуть поодаль, мгновенно заметил, как по подолу её светлого платья расплзается багровое пятно.

«Неужели выкидыш?..»

Старая госпожа Лу, умудрённая годами женщина, сразу всё поняла. Да и разговор о детях зашёл как нельзя вовремя. Она взволнованно подалась вперёд:

— Сяо Я, внизу живота режет?

Цай Я, чьё лицо исказилось от невыносимой муки, судорожно кивнула:

— Да, матушка... Безумно больно!

— Неужто... — глаза старой госпожи лихорадочно заблестели, взгляд прикипел к животу третьей невестки. — Быстро! Позовите врача! Немедленно врача сюда!

Неужели небеса услышали её молитвы и она наконец дожждётся внука?

Лу Шан, привыкший ловить малейшие перемены в настроении матери, мгновенно сообразил, откуда дует ветер. Не дожидаясь осмотра лекаря, он радостно завопил:

— Матушка! Сяо Я точно носит моего ребёнка! Ха-ха-ха! Мама, у меня будет наследник! Я стану отцом!

Лу Шэн и Се Нань переглянулись с невольной усмешкой. Было очевидно, что Лу Шан так заливисто хохотал вовсе не от отцовской гордости, а от облегчения — нерождённый младенец

стал для него идеальным щитом от плети. Инфантильный, трусливый эгоист. Даже готовясь стать отцом, он не обрёл ни капли мужества. Оставь на такого семейное дело — и через пару лет от бывшего величия Лу не останется и следа.

Лица обитателей второго двора сделались кислее лимона. Лу Чэн женился раньше младшего брата, а теперь выходило, что третий утер ему нос, первым обзаведясь потомством. Зависть и досада так и читались на их помрачневших физиономиях.

Какая уж тут порка, какое наказание! Лу Шан, суетливо подхватив охающую жену под руки, потащил её в покои. Следом, забыв обо всём на свете, засеменила старая госпожа Лу со свитой из второго двора. Замыкали шествие Лу Шэн и Се Нань. Если отбросить все дрызги, Лу Шэн был искренне рад этой новости — как-никак, речь шла о первенце в новом поколении их семьи.

Се Нань особой нежности к новоявленной родне не питал, но положение обязывало держать лицо, поэтому он безропотно шёл следом за мужем.

— Ты не любишь детей? — негромко спросил Лу Шэн, заметив его отстранённость.

Се Нань покачал головой:

— Да нет, почему же. Просто своих у меня никогда не было, так что судить не берусь.

— Хм, на редкость честный ответ.

Се Нань покосился на него:

— А вот ты, как я погляжу, от них без ума.

Лу Шэн молча кивнул, даже не пытаясь отпираться.

— Тогда зачем было брать в жёны мужчину? — любопытствовал Се Нань, вскинув брови. — Женился бы на барышне, нянчил бы сейчас первенца.

На мгновение в глазах Лу Шэна промелькнуло замешательство, но он тут же взял себя в руки и лукаво прищурился:

— Очевидно же — судьба. Как увидел тебя, так и пропал. Сердце сразу подсказало: вот он, мой суженый.

— И ради этой любви ты готов отказаться от продолжения рода?

— Да, — твердо ответил Лу Шэн. — Плевать мне, мужчина ты или женщина. И на наследников плевать, если рядом будешь ты.

Се Нань лишь покачал головой, пропустив это слащавое признание мимо ушей. Мало ли что может наплести мужчина в порыве красноречия.

Осмотр лекаря подтвердил догадки: третья молодая госпожа действительно была в положении. Кровь пошла от сильного потрясения, но угрозу выкидыша удалось вовремя предотвратить. Врач выписал укрепляющий отвар и велел пациентке соблюдать полный покой.

Эта благая весть наконец рассеяла мрачные тучи, висевшие над поместьем Лу последнюю неделю. То уныние, что воцарилось здесь после покушения на старшего брата, сменилось радостным предвкушением. Рождение новой жизни искупило попытку братоубийства — весьма неожиданный финал для семейной драмы.

Старая госпожа Лу, конечно, понимала, что спустила дело на тормозах. Ей было неловко перед старшим сыном и его супругом, но признать свою слабость вслух она не могла. В итоге она предпочла напустить туману и замолчать случившееся, втайне надеясь, что время всё сгладит.

Вечером, когда они наконец остались наедине в своих покоях, Се Нань не выдержал:

— И тебя устраивает такое решение? Неужели ты совсем не злишься на мать? Тебя ведь чуть в могилу не свели собственные братья, а она просто сделала вид, что ничего не произошло!

Лу Шэн лишь снисходительно улыбнулся:

— Злиться? Какой в этом прок? Я с самого начала знал, что у матушки не поднимется рука наказать их всерьёз. Какими бы мерзавцами они ни были, для неё они прежде всего сыновья.

— И ты готов спустить им это с рук? — прищурился Се Нань.

— Ну уж нет, — в глазах Лу Шэна блеснул холодный огонёк. — Я заставлю их горько пожалеть о том, что они не получили свои удары плетью прямо там, в поминальном зале. Раз уж им удалось выскользнуть из петли сегодня, я требую с них этот долг позже. И с каждого взыщу сполна.

Се Нань удовлетворённо кивнул:

— Вот это другой разговор. Обязательно требуй. Пусть метили они в тебя, но на тот свет я едва не отправился вместе с тобой. Сам я сделать ничего не могу — руки короткие, но у тебя-то возможностей предостаточно. Разори их, уничтожь, и тогда я сочту, что моя обида отомщена.

Лу Шэн тихо рассмеялся. Он бесшумно зашёл со спины, наклонился к самому его уху и обжёг горячим дыханием:

— Кто бы мог подумать, что Старшая молодая госпожа нашей семьи Лу окажется столь злопамятной и мстительной особой?

Се Нань уже немного привык к постоянным вольностям мужа, а потому даже не попытался отстраниться. Он лениво перелистывал лежащую перед ним плотную стопку исписанных листов и ровным голосом отвечал:

— Естественно. С какой стати мне сносить обиды? Моё правило простое: не трогай меня — и я тебя не трону. Но если посмел ударить — готовься получить сдачи. Не будь я сейчас связан по рукам и ногам, я бы и просить тебя не стал, сам бы им шеи свернул.

Лу Шэну безумно нравился этот колючий, прямой характер. В нём не было привычной женской жеманности. Он нежно прикусил мочку его уха:

— Будь спокоен. Отныне, если кто посмеет косо взглянуть в твою сторону, только шепни своему мужу. Я из них всю душу вытрясу.

Се Нань лишь молча закатил глаза.

Спустя несколько дней, когда раны окончательно затянулись, Лу Шэн решил, что пора выходить в свет. Он помнил о своём обещании помочь Се Наню с публикацией романа, а потому наметил визиты в несколько местных издательств, редакций литературных журналов и типографий, дабы прощупать почву.

Для этой прогулки Се Нань выбрал белоснежный традиционный костюм-танчжуан из плотного шёлка с едва заметным узором, воротник которого был оторочен мягким пушистым мехом. Взглянув на своё отражение в зеркале, он невольно замер от удивления: привычный лоск современного столичного жителя куда-то бесследно исчез. Ему на смену пришло нечто иное — утончённая, почти аскетичная элегантность.

«И надо же было додуматься до такого слова, — мысленно усмехнулся он. — Аскетичность... Но ведь по-другому и не скажешь»

В этот момент сзади подошёл Лу Шэн, уже успевший переодеться в щегольской западный костюм-тройку. Он собственнически обнял Се Наня за талию и, прижавшись всем телом, прошептал на ухо по-английски:

— Знаешь, ты сейчас выглядишь так соблазнительно... Мне хочется немедленно бросить тебя на кровать и хорошенько вытрахать.

Он намеренно использовал грубое иностранное слово, уверенный, что супруг его не поймёт. Однако Се Нань резко развернулся в его руках, и на его лице отразился неподдельный гнев:

— Ах ты похабник!..

Лу Шэн удивленно вскинул брови:

— Ого! Ты знаешь, что значит «fuck»?

Се Нань смущённо высвободился из его объятий. Как тут не знать? В его родном двадцать первом веке это слово слышал каждый школьник, а уж киноиндустрия и вовсе превратила его в международного паразита.

«Ещё бы я не знал, — подумал он. — У нас на этом языке половина интернета ругается»

Вслух же он сухо произнёс:

— Слышал когда-то от заезжих купцов. Но уже почти всё забыл.

Лу Шэн от избытка чувств подхватил его под мышки, приподнял над полом и звучно поцеловал в щеку:

— Ха-ха-ха! Да я просто клад откопал! Ты мало того что умён, так ещё и чужеземную речь разумеешь! Ну всё, теперь мы точно как-нибудь уедем за границу, покажу тебе Европу... Ох, Се Нань, ты поистине лучший подарок, какой только могли ниспослать мне небеса!

Се Нань от такого бурного восторга едва не лишился чувств, но сияющий Лу Шэн не обращал на его слабые протесты никакого внимания. В этот момент его сердце переполняло такое ликование, какое невозможно было выразить ни на одном языке мира.

Дело было вовсе не в преклонении перед заграничной грамотой. Просто само знание о том, что Се Нань способен понять его мысли, его мир, сократило разделявшую их дистанцию до крошечного шага. Словно между ними протянулась невидимая нить, позволяющая делиться самым сокровенным.

Поскольку это была их первая совместная прогулка, Лу Шэн решил отказаться от рикши. Они пошли пешком, не спеша прогуливаясь по многолюдным улочкам и любуясь колоритной суетой южного города.

Шумный, бурлящий проспект по-настоящему захватил Се Наня. Если разобраться, со дня своего загадочного перемещения в прошлое он впервые выбрался в город просто так, без дела и спешки. И пусть мужчины обычно прохладно относятся к праздным прогулкам, дух

первооткрывателя и любопытство взяли своё.

Заметив искренний восторг в глазах спутника, Лу Шэн вновь почувствовал, как в груди шевельнулось прежнее сомнение.

«Странно всё это. Он оглядывается по сторонам так, словно никогда прежде не бывал в Цзяньнани. Но если он здесь чужак, то как, во имя всех богов, семейство Сяо ухитрилось усадить его в свадебный паланкин вместо своей дочери?»

Решив прощупать почву, он как бы невзначай заметил:

— Знаешь, истинная красота Цзяньнани скрыта вдали от шумных трактов. Городские улочки везде одинаковы, тебе они наверняка уже примелькались.

Се Нань покачал головой:

— Ошибаешься. Я впервые вижу этот город изнутри. Здесь очень шумно, ярко и... необычно.

Лу Шэн прищурился:

— Неужели в первый раз?

Се Нань молча кивнул и ускорил шаг, давая понять, что развивать эту тему не намерен. Лу Шэну оставалось лишь подавить любопытство и спрятать новые вопросы поглубже в душу.

Окружающие виды живо напоминали Се Наню декорации исторических фильмов о Китайской Республике, которые он видел в своей прошлой жизни. Разве что настоящие лоточники оказались куда более крикливыми, а ассортимент товаров — шире и пестрее. Орнаменты на тканях и веерах тоже слегка отличались от тех традиционных узоров, к которым он привык в двадцать первом веке. Впрочем, удивляться не приходилось: даже если этот мир и назывался эпохой Миньго, он всё же принадлежал к иной реальности, а значит, мелкие расхождения были неизбежны.

— О, гляди! — Се Нань вдруг замер у одного из прилавков, точно наткнулся на нечто невиданное. — Неужели это те самые фигурки из теста?

Лу Шэн подошёл следом и с улыбкой посмотрел на него:

— А что, никогда не видел живьем?

— Видел, но только на картинках да на экране, — уклончиво ответил Се Нань, разглядывая

крошечных воинов и красавиц.

Телевизионная картинка не шла ни в какое сравнение с реальностью: здешние куколки были вылеплены настолько искусно и детально, будто их вырезали из кости лучшие мастера.

— Почтенный, почём отдашь штуку? — спросил Се Нань у мастера.

— Один медный юань, господин, — приветливо отозвался старик-ремесленник.

Се Нань быстро повернулся к стоявшему рядом Лу Шэну и тихо спросил:

— Один медный юань — это дорого?

Лу Шэн с удивлением воззрился на супруга. Он и представить не мог, что тот совершенно не ориентируется в здешних деньгах. Скрыв усмешку, он достал из кармана серебряную монету в одну десятую юаня и протянул её торговцу:

— Возьмём десяток.

Старик, узрев столь щедрого покупателя, расплылся в подобострастной улыбке:

— Благодарствую, благородный господин! Выбирайте любые, какие душе угодно!

Теперь Се Нань уяснил соотношение местных денег. Он деловито отобрал десять самых красивых фигурок и, оставшись доволен покупкой, легонько хлопнул Лу Шэна по плечу:

— Благодарю за щедрость!

Лу Шэн улыбнулся, и на душе у него потеплело. Заметив, что его белоснежный спутник уже уходит вперёд, он поспешил догнать его:

— Послушай, платил-то за них я! Неужто мне ни одной игрушки не достанется?

Зима была самым прибыльным временем для торговли дровами. Сяо Лушань, согнувшись под тяжестью огромного коромысла, пристроился у края мостовой в ожидании покупателей. После того как его непутёвого отца упекли за решётку, их с матерью жизнь наконец-то вошла в мирное русло. Юноша верил: пока этот тиран не вернулся домой, дела у них непременно будут идти в гору.

В этот момент краем глаза он уловил промелькнувшую в толпе белую фигуру. Силуэт показался ему до боли знакомым.

«Это же он...»

Следом за Се Нанем поспешал высокий мужчина в дорогом пальто — в нём Сяо Лушань без труда узнал молодого господина Лу. Они весело переговаривались, улыбаясь друг другу.

«Похоже, жизнь у него устроилась на зависть многим...»

Что же, тем лучше. Сяо Лушань облегчённо выдохнул, чувствуя, как с души спадает тяжёлый камень. Но почему-то его слабая улыбка вышла горькой и безрадостной.

<http://bllate.org/book/20305/2149224>